

В конце 1980-х гг. Островские собрались эмигрировать. Не Осик был инициатором такого решения. Ему было хорошо и в Одессе, в своей мастерской, куда любили заглядывать самые разные люди, по преимуществу его добрые приятели: композитор Ян Фрейдлин, актер Семен Файер, коллеги-художники, литераторы... Главное же — ему было уютно в **его** мире, в мире его стариков. Когда я подарил ему роман Григория Кановича "Слезы и молитвы дураков", он сначала отнесся к этой книге недоверчиво: не спекулирует ли не знакомый ему писатель на еврейской теме? Но уже через два дня чуть не со слезами в голосе благодарил меня: он встретил на страницах этого прекрасного романа и своих героев.

Одесса не была тесна живописцу, но дети его — прежде всего дочь с семьей — надумали уезжать, и он не без грусти поплыл в кильватере семейной стратегии, видя в отъезде еще и общую историческую необходимость. К тому же в это время обнаружилась у него тяжелая болезнь — злокачественная опухоль в кишечнике. Первую операцию перенес он еще в Одессе, после чего понемногу пришел в себя, и семья отправилась в Израиль. Там его прооперировали вторично, и, казалось бы, Осик поправился, воспрял духом. Общие друзья встречались с ним на *Земле Обетованной* и видели его бодрым, активным, трудоспособным. Увы, то была лишь отсрочка на два-три года.

Он ушел из жизни в 1993 г., в возрасте 58 лет. Наш общий друг, композитор Ян Фрейдлин, видевший Осика незадолго до смерти, писал мне, что был Мастер уже другим — худым, бледным, грустным, и лишь глаза по-прежнему горели, светились добротой и талантом.

Сказать, что в Израиле Островского оценили по заслугам, значило бы погрешить против истины. Маленькая страна была уже к его приезду напигована живописцами — и даровитыми, и ремесленниками. В такой ситуации для успеха очень много значили (и значат!) энергия, напор, способность саморекламироваться, а вот этими-то "добродетелями" друг мой никогда не обладал. Более того — очень не любил всего этого и не без брезгливости относился к тем художникам, которые были склонны к такой жизненной тактике. Его истинная известность и слава остались в Одессе, где вскоре после кончины художника состоялась большая выставка его работ, где о нем не раз еще писали в прессе (притом куда грамотнее и искреннее, чем в русскоязычных израильских газетках). Надо полагать, еще не раз вспомнят. Его обаятельная личность и поистине замечательное живописное наследие, несомненно, того заслуживают.

Любек, ФРГ

## Последняя встреча

— Мне нужно позвонить в Сдерот!

— В Сдерот? Кто у тебя живет в такой глуши?!

— Как кто? Осик Островский! — отвечаю я, уверенная, что все должны знать Осика Островского, мимоходом про себя отмечая, что меня задело определение "в глуши". (Можно ли было тогда, более десяти лет назад, представить, что название Сдерот в наши дни будет звучать со всех телеэкранов — после обстрелов этого города палестинскими боевиками?)

Этот разговор происходил осенью 1992 года в Тель-Авиве, где я гостила у старых друзей моего мужа, его родителей и, естественно, моих.

Я позвонила в Сдерот и услышала голос Осика с его неповторимым тембром и интонацией: "Валечка!".

Осик сказал, что он должен днями быть в Петах-Тикве, в медицинском центре, а вечером, после лечения, придет ко мне в Тель-Авив. Так и случилось.

В один из ближайших вечеров раздался звонок, и на пороге квартиры друзей появился Осик. Собственно, не долгие годы и десятилетия прошли после нашего прощания в Одессе перед его отъездом в Израиль, а казалось, что прошла вечность.

Он изменился, чуть похудел, вместо прежней шевелюры — седой ежик волос, и тем не менее, передо мной был прежний Осик — с его улыбкой, с его еще более погрустневшими глазами...

Наши друзья, в полной мере сохранившие одесское радушие и гостеприимство (они уже относились к сословию "ватиким", так как жили в Израиле около двадцати лет), бросились угощать, кормить, поить, расспрашивать, показывать квартиру.

— О, какой чудный Лоза! — безошибочно воскликнул Осик, бросившись к картине с одесским пейзажем, а я захлебнулась от радости.

Я готовилась к поездке в Израиль, подбирались подарки друзьям и родственникам, и нам хотелось подарить пригласившей меня Муре Новак, одесситке в нескольких поколениях, и ее мужу что-то по-настоящему одесское. Мы остановились на живописи. И тут мой муж, Женя, встретил на улице Адольфа Лозу и поделился с ним нашим выбором и желанием купить одесский пейзаж для подарка в Израиль. Адольф Иванович обхватил Женю за плечи, потащил в свою мастерскую и, ни за что не желая брать деньги, вручил ему щедро один из своих одесских пейзажей. А что-

бы Голубовский не испытывал неловкости, великодушно сказал: "Меня радует, что моя работа будет в Израиле!".

Должна признаться, что наш подарок не вызвал ожидаемой реакции. Мура и Боря были людьми более "взрослыми", чем мы, с более традиционными вкусами. На стене висела увезенная из Одессы литография А. Каплана — реалистический пейзаж с одной из ленинградских набережных, висело еще несколько вполне традиционных работ, а вот экспрессивный пейзаж Адольфа Лозы дерзко нарушал устоявшийся мир этого дома. Правда, когда через несколько дней за мной приехал сын хозяев дома, чтобы увезти меня к себе в Ариэль, то он тут же выпросил у родителей чрезвычайно понравившийся ему одесский пейзаж. Так "под ручку" с Адольфом Ивановичем — с его картиной — мы и уехали в Самарию. Я потом вернулась в Тель-Авив, а "Лоза" остался в Ариэле... Но это так, к слову.

Тогда же, в присутствии художника, хозяева с некоторым смущением показывали убранство стен своего дома. Но Осик оставался Осиком, и без тени лицемерия или хотя бы холодной учтивости, а совершенно искренне похвалил и литографию Каплана, и гобеленовые вышивки хозяйки дома, и другие детали интерьера. Он излучал такое добродушие и благожелательность, что на смену смущению пришло у моих друзей очарование поздним гостем из Сдерота...

А Осик все подходил и рассматривал пейзаж Лозы, словно встретился и с Одессой, и с Адольфом, с которым они не просто соседствовали мастерскими на Белинского, но с большой симпатией относились друг к другу.

Потом мы с Осиком по старой одесской привычке перебрались на кухню и, перебивая друг друга, расспрашивали о житье-бытье, о детях, о близких, о друзьях в Одессе и в Израиле...

Было уже поздно. Я понимала, как устал Осик после тяжелого лечения, а ему еще нужно было возвращаться в Сдерот. Я пошла его провожать. Все мои попытки проводить его (невозможно было расстаться!) до Тахана мерказит (центральной автобусной станции) были тщетны. Мы прошли полквартиры и остановились на углу улиц Жаботинского и бен Иегуды. Все, нужно расставаться...

Мы обнялись и расцеловались. Навсегда.



## Работа нуждается в споре и в согласии

Памяти Шимона Маркиша

Заметки памяти Шимона Маркиша (1931, Баку — 2003, Женева, похоронен в Израиле, в кибуце Эйнат) хочу начать с цитаты: "Совсем не надо, чтобы тот человек, который занимается академической работой, был бы академически оформлен, назван, но он должен быть там, где работают, потому что работать одному нельзя. Работа — это тоже столкновение мыслей, систем решений, работа... не монологична — она драматургична и нуждается в споре и в согласии с временем и товарищами". В справедливости этого утверждения, высказанного Виктором Шкловским (см. в книге "Юрий Тынянов". ЖЗЛ. Москва, 1966), я убедилась на собственном опыте общения с историком литературы Шимоном Маркишем.

На проходившей в 1997 году в библиотеке Общинного дома в Иерусалиме презентации книги "Бабель и другие", куда вошли статьи Шимона Маркиша, собранные Леонидом Финбергом в киевском издании 1996 года, я подошла к автору, с тем чтобы он подписал мне свою книгу. Маркиш держался просто, и я сказала ему, что делаю в Иерусалимском университете докторат о русско-еврейских писателях Одессы 2-й половины XIX — начала XX века и знаю его статьи об Осипе Рабиновиче и о русско-еврейской литературе. И когда диссертация будет готова, хотела бы познакомиться с его со своей работой, на что получила любезное согласие.

В 2001 году я представила завершённую диссертацию в Сенат Еврейского университета в Иерусалиме. В отделе аспирантуры университета моему научному руководителю Илье Захаровичу Серману предложили составить список фамилий нескольких авторитетных ученых, судей, как научные рецензенты именуется на иврите, которым моя работа будет послана на отзыв. В числе судей был назван Шимон Маркиш. Его статьи в "Новом литературном обозрении", в "Егупце", в "Краткой еврейской энциклопедии" и других изданиях 1990-х гг. возродили научные разработки русско-еврейской литературы, прерванные в Советском Союзе еще в начале 1930-х гг. негласным запретом на еврейскую тематику в науке и литературе.

Прошло около года после сдачи диссертации, когда я получила письмо из отдела аспирантуры Еврейского университета о присвоении мне степени доктора философии — третьей степени на гуманитарных факуль-